

Элейн Файнштейн

ЛЮБИТЬ ДОН КИХОТА

Элейн Файнштейн — английский поэт, прозаик, драматург, биограф. Автор нескольких десятков поэтических сборников и романов, а также биографий Теда Хьюза, Марины Цветаевой и Анны Ахматовой (ее биография была переведена на русский). Живет в Лондоне.

ЛЮБИТЬ ДОН КИХОТА

Я все еще люблю тебя,
добрый Рыцарь Печального Образа.
Я и любила-то по-настоящему только таких
как ты — беззащитных мужчин.
Не столько неудачников, сколько
мечтателей. Одержимых идеей не быть как все
и готовых следовать за мечтой даже в лохмотьях —
как мой отец, в двенадцать лет бросивший школу,
гордый и тем, что носит президентский цилиндр.
Такие люди всегда благороднее, чем мир,
который их окружает.
За это мы прощаем им опрометчивые поступки,
ведь они, как дети, не рассуждая,
стремятся к добру — просто чтобы
придать смысл собственному
существованию

ТЕЛЕФОН, НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА

Телефонная будка —
единственный источник света
на всей террасе:
одинокая лампочка
над сырими кустами, и ветер.
Длинные упрямые гудки
в моем ухе уносят
за преграду, где мы
потеряны друг для друга
как непарная обувь,
разбросанная в беспорядке.
Хотя я не уверена,
что ты заметил
пропажу.
Где ты, где в лунном доме
избавляются от пыли
под эти сухие потрескивания?

БЕРЕГОВАЯ ЛИНИЯ

Вот пейзаж Кембрийской эры: сланец, голубой кварц,
срезы с прожилками железа и свинца; пемза, кальцит;
в заводях плавают рыба песочного цвета, прозрачные
как вода креветки; и бархатный краб, который
похож на причудливое растение.

Этот берег родился задолго до человека. С приливом,
когда возвращается море, водоросли колышутся,
как ожившие цветы; стелятся под водой, бесчувственные
морепродукты, выхваченные взглядом и тут же забытые.

Двое моих сыновей карабкаются на скалу порфирного кварца.
Их тонкие согнутые спины нагружены тросами и крюками.
Белые пятки, губы обметаны солью, кожа потемнела от ветра и солнца.

Они озираются с любопытством и жалостью, ведь дальше все произойдет по воле Времени и Случая, которые ждут своего часа.

МЕДИУМ

В ответ я бы назвала музыку, но она тем более сомнительна, ведь в моей тишине, о который ты спрашиваешь, пейзаж

состоит из воды, старых деревьев и пары пугливых птиц. С погодой тоже не ясно. То все залито золотым светом, и листья не по сезону.

А то красный лед, и луна висит, как очищенный китайский фрукт. Прости, не могу сказать точнее.

Я пытаюсь, но слова выходят отвратительными, как крысы, и все рушится, и нет покоя. А я хочу быть любящей и спокойной,

если, конечно, ты этого тоже хочешь. Мои самые острые мысли притаились, как убийцы в стоге сена. Они болтают и ухмыляются. Может, найдешь их?

ФЕДОР: ТРИ ОТРЫВКА

1

В Гамбурге я встретил его, за игорным столом. Черты лица домашние, скверные зубы, одежда заношенная — я хоть и врач из Швейцарии, а романы читаю.

Когда он проиграл все, что было в его ветхом кошельке, он поднял на меня взгляд и улыбнулся:
«Я, — сказал он, — человек без будущего».

Меня вызвали к нему вчера вечером, когда случился приступ эпилепсии, и он потом сказал, какой прилив блаженства ощущает больной за

несколько секунд до пены и судорог.

Лицо его светилось, когда он объяснял мне.

«Только Христос,— говорил он, — может спасти Россию».

2

Эта церковь в Базеле словно плыла в лунном свете, а вокруг белели деревья, и никаких казино.

Я встретил его снова, он был с молодой женой, они

пришли смотреть «Мертвого Христа» Гольбейна — тело, покрытое зеленоватыми трупными пятнами, опухшие суставы, похожие на перезрелые бородавки.

Он обернулся на мое приветствие, и хотя по лицу было видно, что он не узнал меня, он сказал в ответ:

«Эта картина способна уничтожить веру».

3

Что за грехи, не считая азарта или болезни, или того, что он проиграл кольцо молодой жены, тяготили его? Иногда мне кажется, что его гений

(чуждый этому чистому, вымощенному городу, висящему над ущельем, где катит волны темный Рейн) — в самой сердцевине своей печали таил

семена жестокости и сладострастия, которые придавали столь неповторимый блеск его стилю. Думаю, врач способен принести людям больше пользы.

ИЗ «НОВЫХ ПЕСЕН ДИДОНЫ И ЭНЕЯ»

День обещает быть нежным
и молочно-голубым. Женщина
смотрит из окна на промытый дождем сад.
Она думает о деревянной флейте и
зарослях специй, а солнце
играет бликами на ее браслете.
Она больше ничего не ждет от жизни.

Ее спокойное лицо обращено
к свидетельству порядка, старшего,
чем сама Эллада, под чьей защитой
и этот сад, и эти деревья, и все
ее воспоминания, которые едва заметно
колышутся — как тени на стене, когда
в дворцовые ворота стучит незнакомец.

*Перевод с английского
Глеба ШУЛЬПЯКОВА*